

РОБЕРТ

ШЕКЛИ

ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Роберт Шекли

Хождение Джоэниса

«Издательство АСТ»

1962

УДК 821.111-312(73)
ББК 84(7Сое)-44

Шекли Р.

Хождение Джоэниса / Р. Шекли — «Издательство АСТ»,
1962 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-156749-1

Герой «Хождения Джоэниса», полинезиец, задумавший посетить страну своих предков — Америку, испытывает ряд поистине сюрреалистических, опасных и уморительных приключений, знакомится с представителями самых разных социальных слоев американского общества и даже попадает в СССР! Сатирический памфлет в той же мере, в какой и философский трактат, и плутовской роман, «Хождение Джоэниса» стоит в одном ряду с лучшими романами Курта Воннегута и состоит в родстве с сочинениями Вольтера, Франца Кафки и Ярослава Гашека.

УДК 821.111-312(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-156749-1

© Шекли Р., 1962

© Издательство АСТ, 1962

Содержание

Введение	6
1. Джоэнис отправляется в путешествие	8
2. Лам встречается с Джоэнисом	11
3. Сенатская комиссия	14
4. Как восторжествовала справедливость	18
5. История Джоэниса, Вчёмда и полицейского	21
6. Джоэнис и три водителя грузовика	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роберт Шекли Хождение Джоэниса

Серия «Эксклюзивная классика»

Robert Sheckley
THE JOURNEY OF JOENES

Перевод с английского В. Баканова, В. Бабенко

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Robert Sheckley, 1962
© Перевод. В. Баканов, 2020
© Перевод, В. Бабенко, 2020
© Издание на русском языке AST Publishing, 2023

Введение

Невероятный мир Джоэниса существовал более чем тысячу лет назад, в глубоком и туманном прошлом. Мы знаем, что путешествие нашего героя началось около 2000 года и завершилось в начале современной эпохи. Мы также знаем, что время, в котором путешествовал Джоэнис, примечательно своими промышленными цивилизациями. Механическая артикуляция двадцать первого века породила странные творения, незнакомые современному читателю. И всё же большинство из нас рано или поздно узнало, что имели в виду древние под «управляемым снарядом» или «атомной бомбой». Детали некоторых из этих фантастических устройств можно увидеть во многих музеях.

Более скудны наши знания в области обычаев и законов того времени. И чтобы получить хоть какое-то представление о тогдашних религиях и этике, необходимо обратиться к «Хождению Джоэниса».

Без сомнения, сам Джоэнис был реальным лицом; однако мы никак не можем определить степень достоверности всех бытующих о нём историй. Некоторые из них – не изложение фактов, а, скорее, определённого рода моральные аллегории. Но даже те истории, которые считаются аллегорическими, всё равно отображают дух и характер той эпохи.

Настоящая книга, таким образом, – это сборник сказаний о путешественнике Джоэнисе и об удивительном и трагическом двадцать первом веке. Некоторые истории подтверждаются документально, фигурируют в летописях, но большая их часть дошла до нас в устной форме, передаваясь от рассказчика к рассказчику.

Если не считать нашей книги, единственное письменное описание «Хождения» появляется в недавно опубликованных «Фиджийских сказаниях», где, по очевидным причинам, роль Джоэниса отходит на задний план по сравнению с деяниями его друга Лама. Это существенно искажает содержание и совершенно не соответствует духу «Хождения». Руководствуясь вышеприведёнными соображениями, мы решили создать книгу, в которой все истории о Джоэнисе были бы правдиво изложены и сохранены для грядущих поколений.

Книга также содержит всё написанное о Джоэнисе в двадцать первом веке. К великому сожалению, эти записи весьма малочисленны и разрозненны и составляют лишь две главы: «Лам встречается с Джоэнисом» (из «Книги Фиджи», каноническое издание) и «Как Лам поступил на военную службу» (также из «Книги Фиджи», каноническое издание).

Все остальные истории о Джоэнисе или его последователях передаются из уст в уста. Наш сборник запечатлевает в письменном виде слова самых известных современных рассказчиков без малейших искажений, во всём многообразии их точек зрения, стиля, характеров, морали, комментариев и так далее. Мы хотим поблагодарить рассказчиков за любезное разрешение записать их сказания. Их имена:

Ма'аоа с Самоа,
Маубинги с Таити,
Паауи с Фиджи,
Пелуи с острова Пасхи,
Телеу с Хуахине.

Автор указывается в начале каждой главы. Мы приносим извинения многим блестящим рассказчикам, которых мы были не в состоянии включить в сборник: их труды будут использованы при составлении полного жизнеописания Джоэниса с комментариями и вариантами.

Для удобства читателя истории расположены в хронологическом порядке, как главы развивающегося повествования, с началом, серединой и концом. Но мы предупреждаем читателя,

чтобы он не ожидал последовательного и цельного изложения, так как некоторые части длинные, а некоторые короткие, одни сложные, а другие простые, в зависимости от индивидуальности рассказчика. Редакция, безусловно, могла бы сократить или расширить определённые главы, приведя их к одинаковому объёму и наделив своим собственным качеством порядка и стиля. Но мы предпочли оставить притчи в оригинальном виде, чтобы читатель мог ознакомиться с описанием «Хождения», не прошедшим никакой цензуры. Это будет справедливо по отношению к рассказчикам и позволит передать правду о Джоэнисе, о людях, которых он встречал, и о странном мире, с которым он столкнулся.

Редакция дословно повторила повествования рассказчиков и без изменения привела два письменных памятника, ничего не добавив и воздержавшись от замечаний. Наши комментарии содержатся лишь в последней, завершающей главе.

Теперь, читатель, мы приглашаем тебя познакомиться с Джоэнисом и отправиться с ним в путешествие через последние годы старого мира и первые годы нового.

1. Джоэнис отправляется в путешествие (*Записано со слов Маубинги с Таити*)

На двадцать пятом году жизни героя произошло событие, роковым образом повлиявшее на его судьбу. Чтобы пояснить значение этого события, сперва необходимо рассказать кое-что о нашем герое; а чтобы понять его, надо описать место, где он жил. Итак, начнём оттуда, стараясь как можно быстрее перейти к основной теме повествования.

Наш герой, Джоэнис, жил на маленьком острове в Тихом океане – на атолле в двухстах милях к востоку от Таити. Остров этот, имеющий две мили в длину и несколько сот ярдов в ширину, назывался Манитуатуа. Его окружал коралловый риф, а за рифом простиралась синие воды Тихого океана. Именно сюда приехали из Америки родители Джоэниса для обслуживания электрооборудования, снабжавшего электричеством большую часть Восточной Полинезии.

Когда умерла мать Джоэниса, его отец стал работать один; а когда умер отец, Тихоокеанская электрическая компания потребовала, чтобы Джоэнис заступил на его место. Что он и сделал.

Судя по многим источникам, Джоэнис был высоким, крепкого телосложения молодым человеком с добрым лицом и хорошими манерами. Он взахлёб читал книги из богатой библиотеки отца и, будучи натурой романтической и чувствительной, предавался долгим размышлениям об истине, верности, любви, долге, судьбе, случайности и прочих абстрактных понятиях. В силу своего характера, Джоэнис представлял себе положительные моральные нормы как нечто обязательное и думал о них всегда только возвышенно.

Жители Манитуатуа, все полинезийцы с Таити, с трудом понимали таких людей. Они с готовностью признавали, что добродетели – это хорошо, но при малейшей возможности предавались порокам. Хотя Джоэнис осуждал подобное поведение, ему нравились весёлый характер, щедрость и общительность манитуатуанцев. Не утруждая себя размышлениями о добродетелях, они тем не менее умудрялись вести вполне достойную и приятную жизнь.

Постоянное общение с местными жителями не могло не оказывать влияния на характер Джоэниса, который постепенно менялся. Как считают некоторые, он сумел выжить лишь благодаря тому, что многое перенял у жителей Манитуатуа.

Но об этом можно лишь догадываться, влияние нельзя объективно измерить или оценить. Мы же ведём речь об исключительном событии, происшедшем в жизни Джоэниса, когда ему шёл двадцать пятый год.

Истоки этого события следует искать в конференц-зале Тихоокеанской электрической компании, расположенной в Сан-Франциско, на Западном побережье Америки. Солидные мужчины в костюмах, ботинках, рубашках и галстуках собрались там за круглым столом из полированного тикового дерева. Эти Люди Круглого Стола, как их называли, вершили в значительной степени человеческие судьбы. Председатель Совета Артур Пендрагон получил свой высокий пост по наследству, но сначала он выдержал тяжёлую борьбу, для того чтобы занять законное место. Прочно обосновавшись, Артур Пендрагон распустил прежний Совет попечителей и назначил своих доверенных людей. Присутствовали: Билл Лаунселот – финансовый воротила, Ричард Галахад – широко известный своей благотворительной деятельностью, Остин Мордред – человек с большими политическими связями по всему штату, и многие другие.

Финансовая империя, которую возглавляли эти лица, в последнее время пошатнулась, поэтому все они голосовали за единение сил и немедленную продажу всех владений, не дающих прибыли. Это решение, каким бы простым оно ни казалось, имело серьёзные последствия.

На далёком Манитуатуа Джоэнис получил указание Совета прекратить операции Восточно-полинезийской электростанции.

Таким образом, Джоэнис лишился работы. Что ещё хуже, рухнул его привычный уклад жизни.

Всю следующую неделю он размышлял о своём будущем. Полинезийские друзья Джоэниса уговаривали его остаться с ними на Манитуатуа или, если ему так больше понравится, переехать на один из больших островов, например на Хуахине, Бора-Бора или Таити.

Выслушав их, Джоэнис удалился в уединённое место, чтобы поразмыслить над предложениями. Через три дня он вернулся и объявил всем собравшимся о своём намерении отправиться в Америку, на родину предков, чтобы увидеть собственными глазами чудеса, о которых читал, и, возможно, найти там свою судьбу. Если окажется, что судьба его не там, он вернётся к народу Полинезии с чистой душой и открытым сердцем, готовый к исполнению любых обязанностей, которые на него возложат.

Люди оцепенели от ужаса, когда услышали об этом, ибо американская земля слыла более неведомой и опасной, чем сам океан, а обитатели её считались колдунами и магами, способными хитроумными заклятиями изменить даже образ мышления человека. Им казалось невероятным, что можно разлюбить коралловые побережья, лагуны, пальмы, каноэ с балансирами и всё такое прочее. Тем не менее подобное случалось и раньше. Некоторые полинезийцы, отправившиеся в Америку, попадали под её чары и никогда оттуда не возвращались. Один из них даже посетил легендарную Мэдисон-авеню, но что он там нашёл, осталось тайной, ибо тот человек больше не заговорил. Тем не менее Джоэнис твёрдо решил ехать.

Он был помолвлен с Тонделаё – манитуатуанской девушкой с золотистой кожей, миндалевидными глазами, смоляными волосами, невероятно пикантной фигурой и манерами, говорившими о хорошем знании мужчин. Джоэнис предполагал послать за Тонделаё, как только обоснуется в Америке, или вернуться к своей невесте, если судьба окажется к нему неблагоприятной. Ни одно из этих предположений не встретило одобрения у Тонделаё, и она обратилась к Джоэнису на преобладавшем в те времена местном диалекте со следующими словами:

– Эй ты, глупый белый парень, хочешь плыть в Мелику? Зачем, эй? Разве в Мелике больше кокосовых орехов? Длинней пляжи? Лучше рыбалка? Нет! Ты думаешь, может быть, там лучше чумби-чумби? Так нет! Будет лучше, если ты останешься здесь, со мной, клянусь!

Вот таким образом красавица Тонделаё возвала к разуму Джоэниса. Но тот ответил ей:

– Любимая, ужель ты думаешь, что я хочу покинуть тебя, воплощение всех моих грёз и средоточие желаний?! Нет, зеница ока моего, нет! Отъезд наполняет меня скорбью, ибо я не ведаю, какой рок поджидает меня в холодном мире на востоке. Знаю лишь, что долг мужчины толкает меня вперёд, к подвигам и славе, а если велит судьба, то и к самой смерти. Только поняв великий мир, смогу я вернуться и провести остаток дней своих здесь, на островах.

Прекрасная Тонделаё внимательно выслушала эти речи и глубоко задумалась. И обратилась девушка к Джоэнису со словами простой народной мудрости, передаваемой от матери к дочке с незапамятных времён:

– Послушай, малый, я думаю, все вы, белые, одинаковы. Сперва вы делаете чумби-чумби с маленькой вахиной, и это хорошо, а потом вас тянет на сторону, я думаю, чтобы делать чумби-чумби с белой женщиной. Клянусь! И всё же пальмы растут, и кораллы тоже растут, но такой мужчина должен умереть.

Джоэнис мог лишь склонить голову перед древней мудростью островитянки. Однако решимость его не дрогнула. Он знал, что ему суждено посетить Америку, откуда прибыли его родители, принять уготованную судьбу и смириться с непостижимым роком, который лежит в засаде для всех мужчин. Джоэнис поцеловал Тонделаё, и она заплакала, поняв, что слова её бессильны тронуть этого человека.

Окрестные вожди устроили пир в честь Джоэниса, где подавались островные деликатесы – консервированная говядина и консервированные ананасы. Когда на остров пришла торговая

шхуна с обычным еженедельным грузом рома, они печально простились с любезным их сердцу Джоэнисом.

На этой шхуне Джоэнис, в ушах которого всё ещё звучали туземные мелодии, прошёл мимо Хуахине и Бора-Бора, мимо Таити и Гавайских островов и наконец прибыл в город Сан-Франциско на Западном побережье Америки.

2. Лам встречается с Джоэнисом (Рассказано самим Ламом и записано в «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, вы знаете, как это бывает. Ещё Хемингуэй говорил: «Выпивка ни к чёрту, и девчонка дрянь, и что вам тогда делать?» Вот я и торчал в порту, поджидая еженедельную партию мескалина, и, можно сказать, бил баклуши: слонялся и глазел на толпу, на большие корабли, на Золотые Ворота. Вы знаете, как это бывает. Я только что прикончил сэндвич – итальянская салями на настоящем чёрном тминном хлебе – и надеялся на скорое прибытие мескалина, а посему чувствовал себя не так уж паршиво. То есть я хочу сказать, что необязательно чувствовать себя паршиво, даже если девчонка – дрянь.

Ну так вот, тот корабль пришёл из дальних краёв, и с него сошёл парень. Такой, знаете, поджарый, высокий, с настоящим загаром и нехилыми плечами. Полотняная рубашка, обтрёпанные штаны и вообще никакой обуви. Я, естественно, решил, что он в порядке. То есть я имею в виду, он выглядел в порядке. Я подошёл к нему и спросил, пришёл ли груз.

Этот тип посмотрел на меня и сказал:

– Меня зовут Джоэнис. Я здесь впервые.

Так я и понял, что он не в деле, и попросту отвёл взгляд.

– Не знаете, где можно найти работу? – продолжал он. – Я первый раз в Америке и хочу узнать, что Америка может дать мне и что я могу дать Америке.

Я снова посмотрел на него, потому что теперь уже не был уверен, что он в порядке. В наши дни не каждый работает под хипстера, а иногда, если молотишь под простачка, прямоком можешь угодить в ту Чайную на Небесах, где заправляет Величайший Торговец Наркотиками из всех. То есть на вид-то он был простофилей, а вдруг за этим скрывается дзен? Иисус вот тоже казался простофилей, но он был в тренде, и все мы были бы горой за него, если бы эти старпёры оставили его в покое.

И я сказал Джоэнису:

– Ищешь работу? А что ты умеешь?

– Я разбираюсь в электрических трансформаторах.

– Потрясно, – сказал я.

– И играю на гитаре, – добавил он.

– Эй, парень! – воскликнул я. – Что же ты сразу не сказал, вместо того чтобы болтать о каком-то электричестве! Я тут знаю одно капучиновое местечко, где ты мог бы играть, а всякие старпёры тебе башляли бы. Монета есть?

Этот Джоэнис едва лопотал по-английски, и мне приходилось ему всё растолковывать. Но он быстро схватывал насчёт монеты и остального, и я предложил ему на некоторое время обосноваться в моей халупе. Когда девчонка всё равно дрянь, почему бы и нет? Этот Джоэнис одарил меня улыбкой и сказал, что, конечно, он согласен. Ещё он поинтересовался обстановкой и как тут можно поразвлечься. Он казался вполне в норме, даром что иностранец, и я его успокоил, что девчонки есть, а насчёт других развлечений пускай пока держится меня, а потом видно будет. Он вроде усёк, и мы двинули на хату. Я дал ему сэндвич из настоящего ржаного хлеба с этими маленькими семечками и с куском швейцарского сыра – из Швейцарии, а не из Висконсина. Джоэнис был абсолютно на нуле, и мне пришлось ссудить его бренчалкой, так как свою гитару он оставил на островах, не знаю уж, где эти острова. И в тот же вечер мы выступили в кофейне.

Надо сказать, что Джоэнис наделал переполоху своей гитарой и песнями, хотя пел на никому не понятном языке и мелодии были малость занудливы. Туристы пришли в поросся-

чий восторг, будто им задаром отвалили акции «АТ&Т». Джоэнис сорвал восемь долларов 30 центов, чего хватило на пузырь русской – только не надо зудеть мне про патриотизм – и кое-какую закуску. И к нему приклеилась одна крошка почти шести футов роста, потому что таким уж был Джоэнис. То есть он был высокий и здоровый, с широченными плечищами, да ещё копна выгоревших волос. Для такого, как я, это посложнее, потому что, хотя у меня и борода, я малость коротковат да и толстоват, и порой мне приходится тратить на поиски цыпочек немало времени. А к Джоэнису их тянуло прямо как магнитом. Лезли к нему и всякие бойкие курицы, с вопросами, курил ли он когда-нибудь травку, но я их всех отшил, потому что мескалин уже пришёл, и зачем менять расстройство желудка на головную боль?

И вот Джоэнис, и эта крошка по имени Дейрдра Фейнштейн, и ещё одна подружка, которую она взяла на мою долю, – все пошли ко мне. Я показал Джоэнису, как разминать зёрнышки и всё прочее, мы наширились и забалдели. То есть это у нас был нормальный приход, а вот Джоэнис засверкал, как тысячеваттная лампочка. И хоть я предупредил его о фараонах, которые бродят по улицам и аллеям Сан-Франциско, ища, кого бы упрятать в свои новенькие расчудесные тюрьмы, Джоэнису было море по колено. Забрался он на кровать и стал толкать речь. Речь получилась потрясная, потому что этот жизнерадостный улыбчивый парень из далёкого захолустья действительно растрогался до глубины души. И сказал он так:

– Друзья мои, я пришёл к вам из земли палм и песка в надежде сделать славные открытия. Я считаю себя счастливей всех смертных, ибо в первый же вечер был представлен вашему кумиру, Королю Мескалину, и возвышен им, а не унижен. Мне явились чудеса этого мира, которые сейчас розовеют перед моими глазами и низвергаются радужным водопадом. Своего дорогого друга Лама я могу лишь бесконечно благодарить за это блаженство. Моей новой возлюбленной, сладчайшей Дейдрой Фейнштейн, я позволю себе сказать, что вижу разгорающееся внутри меня великое пламя и чувствую сотрясающую меня бурю. Подружке Лама, чьё имя я, к сожалению, не разобрал, спешу поведать, что люблю её любовью брата, страстной и в то же время невинной, как новорождённый младенец. И наконец...

Надо сказать, что голос у Джоэниса был неслабый, то есть он ревел как морской лев в брачный период, а такой звук никто из вас не упустит послушать. Но это было немножко чересчур для моей хаты, потому как соседи сверху – старпёры, которые встают в восемь утра, чтобы заниматься всякой ерундой, – принялись стучать в потолок и объявили, что эта вечеринка уже перебор и что они вызвали полицию, то есть фараонов.

Джоэнис и девочки были в отрубе, однако я всегда сохраняю ясную голову на случай опасности, что бы ни клубилось в лёгких и ни струилось в венах. Я хотел спустить оставшийся мескалин в туалет, но Дейдрра, которая без ума от этого зелья настолько, что это даже пугает, потребовала спрятать зёрнышки в самом интимном месте её тела, где, по её словам, они будут в полной безопасности. Я поволок их всех на улицу, причём Джоэнис не пожелал расстаться с моей гитарой, которую он сжимал в своём загорелом кулаке, и мы вывалились как раз вовремя, потому как тут подкатил фургон, полный фараонов. Я настропалил свою команду идти прямо, как солдатики, потому что лучше не шутить, если при тебе шмаль. Правда, я не учёл, насколько далеко зашла Дейрдра.

Мы зашагали вперёд, а фараоны двинулись рядом и стали смотреть на нас, как только фараоны могут смотреть, и ещё начали бросать нам замечания насчёт битников, аморального поведения и всего такого. Я старался, чтобы мы топали как ни в чём не бывало, но с Дейдрой было не совладать. Она повернулась к фараонам и выложила всё, что о них думала. Это очень неразумно, если у вас такое богатое воображение и такой лексикон, как у Дейдрды.

Их старший, сержант, сказал:

– Ладно, сестрица, пошли-ка с нами. Мы тебя забираем, усекла?

И они поволокли отбрыкивающуюся Дейдрду к своему фургону. Я заметил, что лицо Джоэниса принимает задумчивое, фараононенавистническое выражение, и понял, что беды не

миновать, потому что он, по уши в мескалине, очень уж сильно возлюбил Дейрдру и вообще всех на свете, кроме фараонов.

Я сказал ему:

– Парень, ты не вздумай что-нибудь выкинуть. Нашему веселью пришёл конец, а Дейдрдре не привыкать. Я имею в виду, она вечно не в ладах с фараонами, с тех пор как приехала сюда из Нью-Йорка изучать дзен. Дейдрдру забирают всё время, и ей это совершенно по нулям, потому что её отец – Шон Фейнстейн, который владеет всем, что ты успеешь перечислить за пять секунд. Она очухается и выйдет. Так что и пальцем не шевели, даже не оглядывайся, потому что твой отец – не Шон Фейнстейн и вообще не кто-нибудь, о ком я слышал.

Вот так я пытался успокоить и урезонить Джоэниса. Но он встал как вкопанный – эдакая героическая фигура, весь в свете уличного фонаря, кулак сжимает мою гитару, а в глазах – выражение всезнания и всепрощения, то есть прощения всех, кроме фараонов. И повернулся к полицейским.

– Чего тебе надо, малыш? – поинтересовался сержант.

– Уберите руки от этой юной леди! – потребовал Джоэнис.

– Эта наркоманка, которую ты называешь юной леди, нарушила статью четыреста тридцать один точка три Уголовного кодекса города Сан-Франциско, – пояснил полицейский. – Так что не суй нос не в своё дело, приятель, и не вздумай брэнчать на этой укулеле после двенадцати ночи.

Я хочу сказать, что на свой лад этот сержант вёл себя совсем неплохо.

Но здесь Джоэнис толкнул речь, то есть не речь, а конфетку. К сожалению, я сейчас не припомню дословно, однако смысл её сводился к тому, что законы создаются людьми и, следовательно, должны учитывать дурную натуру человека и что подлинная мораль заключается в следовании истинным требованиям просвещённой души.

– Значит, коммунака, так? – уточнил сержант. И в мгновение ока, а то и быстрее, они затащили Джоэниса в фургон.

Само собой, Дейрдру на следующее утро выпустили – может, из-за отца, а может, и из-за её неотразимого поведения, известного всему Сан-Франциско. А вот Джоэнис, хоть мы и перерыли всю округу вплоть до Беркли, как в воду канул.

Говорю вам, как в воду канул! Что случилось с этим светловолосым, обожжённым солнцем трубадуром с сердцем большим, как мир? Куда он пропал с моей гитарой (настоящей «Висенте Татай») и с моей почти самой лучшей обувкой? Полагаю, одни фараоны знают, а они-то уж не скажут. Но я навсегда запомнил Джоэниса, который, как Орфей у врат ада, вернулся на поиски Эвридики и тем самым разделил судьбу златоголосого певца. То есть, конечно, это не совсем так, и всё же похоже. И кто знает, в каких дальних краях странствует сейчас Джоэнис с моей гитарой?

3. Сенатская комиссия (Рассказано Ма'аоа с Самоа)

Джоэнис никак не мог знать, что в то время в Сан-Франциско проводила расследование Сенатская Комиссия Американского Конгресса. Но полиции это было известно. Интуитивно почувствовав в Джоэнисе потенциального свидетеля для этого расследования, полицейские привели его из тюрьмы в зал заседаний Комиссии.

Председатель Комиссии, сенатор Джордж У. Пелоп, сразу спросил у Джоэниса, что тот может сказать о себе.

– Я ничего не сделал, – выпалил Джоэнис.

– Ага, – отреагировал Пелоп, – но разве вас обвинили в чём-то, что вы сделали? Может быть, обвинил я? Или кто-нибудь из моих славных коллег? Если так, то я хотел бы немедленно об этом услышать.

– Нет, сэр, – молвил Джоэнис. – Я просто подумал...

– Мысли не принимаются в качестве свидетельства, – заявил Пелоп.

Затем он поскрёб лысину, поправил очки и торжественно повернулся к телевизионной камере.

– Этот человек, по его собственному признанию, – сказал Пелоп, – не был обвинён ни в каком преступлении, совершённом злонамеренно или же по заблуждению. Мы всего лишь предложили ему говорить, согласно привилегии и обязанности Конгресса. И всё же каждое его слово выдаёт сознание вины. Я считаю, джентльмены, мы должны расследовать это дело.

– Я желаю видеть адвоката, – сказал Джоэнис.

– Вам не полагается адвокат, так как это не судебный процесс, а слушание Комиссии Конгресса, только устанавливающая факты. Но мы обратим самое пристальное внимание на ваше требование. Могу я поинтересоваться, зачем предположительно невиновному человеку требуется адвокат?

Джоэнис, прочитавший немало книг на Манитуатуа, пробормотал что-то о законности и своих правах. Пелоп ответил ему, что Конгресс является гарантом его прав, так же как создателем законов. Следовательно, Джоэнису нечего бояться, если он будет отвечать правдиво. Джоэнис принял это близко к сердцу и дал обещание говорить правду.

– Благодарю вас, – кивнул Пелоп. – Хотя обычно мне не приходится просить, чтобы отвечали правду. Впрочем, возможно, это не имеет значения. Скажите, господин Джоэнис, вы действительно верите во всё то, о чём упомянули в своей речи прошлым вечером на улице Сан-Франциско?

– Я не помню никакой речи, – ответил Джоэнис.

– Вы отказываетесь отвечать на этот вопрос?

– Я не могу ответить на него. Я не помню. Полагаю, на меня влиял алкоголь.

– Помните ли вы, с кем были прошлой ночью?

– Кажется, с одним человеком по имени Лам и ещё с девушкой по имени Дейрдра...

– Нам не нужны их имена, – торопливо перебил Пелоп. – Мы всего лишь спросили вас, не помните ли, с кем вы были. Вы ответили, что помните. Должен сказать, господин Джоэнис, что у вас весьма удобная память, которая фиксирует одни факты и отвергает другие, имевшие место в течение одного отрезка времени.

– То не факты, – возразил Джоэнис. – То люди.

– Комиссия не просит вас шутить, – сурово отчеканил Пелоп. – Официально предупреждаю вас, что шутливые, уклончивые, безответственные и вводящие в заблуждение ответы,

а также молчание, будут рассматриваться как неуважение к Конгрессу, что является нарушением федеральных законов и влечёт за собой тюремное заключение сроком до одного года.

– Я не хотел сказать ничего такого, – поспешно заверил Джоэнис.

– Очень хорошо, господин Джоэнис, продолжим. Вы отрицаете, что прошлой ночью произносили речь?

– Нет, сэр, не отрицаю.

– В таком случае не отрицаете ли вы, господин Джоэнис, что суть вашей речи касалась так называемого права каждого человека низвергать государственные законы? Или, другими словами, отрицаете ли вы, что подстрекали к бунту тех инакомыслящих, кого могли сбить ваши состряпанные за границей воззвания? Или, чтобы вам стало абсолютно ясно, что вы пропагандировали насильственное свержение правительства, опирающегося на свои законы? Можете ли вы оспаривать тот факт, что содержание и смысл вашей речи сводились к нарушению тех свобод, которые дали нам наши Отцы-Основатели и которые вообще позволяют вам говорить, каковой возможности вы, безусловно, не имели бы в Советской России? Смее ли вы утверждать, что эта речь, замаскированная пустыми словечками из жаргона богемы, не является частью обширного плана, направленного на подрыв изнутри и прокладывание пути для внешней агрессии, в каковой цели вы пользуетесь молчаливым одобрением, если не явной поддержкой определённых лиц в нашем государственном департаменте? И что, наконец, эта речь, замаскированная под состояние опьянения, была произнесена при полном сознании вашего так называемого права на подрывные действия в условиях демократии, где возможности возмездия, по вашему мнению, ограничены Конституцией и Биллем о правах, которые существуют не для помощи стоящим вне закона элементам, как вам думается, а, напротив, для охраны свобод народа от таких наёмников, как вы? Так это или не так, господин Джоэнис? Я прошу дать простой и однозначный ответ.

– Мне бы хотелось прояснить...

– Пожалуйста, отвечайте на вопрос, господин Джоэнис, – ледяным тоном отрезал Пелоп. – Да или нет?

Джоэнис лихорадочно соображал, вспоминая всё, что читал на родном острове об американской истории.

– Ваши утверждения чудовищны! – наконец воскликнул он.

– Мы ждём ответа, господин Джоэнис! – провозгласил Пелоп.

– Я настаиваю на своих конституционных правах, а именно на Первой и Пятой поправках, – сказал Джоэнис, – и, со всем уважением к вам, отказываюсь отвечать.

Пелоп зловеще улыбнулся.

– Этот номер у вас не пройдёт, господин Джоэнис, поскольку Конституция, за которую вы сейчас так цепляетесь, была пересмотрена или, точнее, обновлена теми из нас, кто дорожит её неизменностью и оберегает её от выхолащивания. Упомянутые вами поправки, господин Джоэнис, – или, может быть, мне следует называть вас товарищем Джоэнисом? – не позволяют вам хранить молчание по причинам, которые с радостью объяснил бы любой член Верховного Суда, – если бы вы удосужились спросить его!

Эта сокрушительная речь в корне подавила любое возражение. Даже издававшие виды репортёры, присутствующие в зале, были поражены до глубины души. Лицо Джоэниса стало красным, как свёкла, а затем лилейно-белым. Поставленный в безвыходное положение, он всё же раскрыл рот, чтобы отвечать, но был спасён вмешательством одного из членов Комиссии, сенатора Зарешёткинга.

– Прошу прощения, сэр, – обратился сенатор Зарешёткин к Пелопу, – прошу прощения также у всех, кто ждёт ответа на вопрос. Я хочу лишь кое-что сказать и требую, чтобы мои слова занесли в протокол, потому что иногда человек должен говорить прямо, несмотря на то, что это может причинить ему боль и даже нанести политический и материальный ущерб. И

всё же такой человек, как я, обязан высказаться, когда долг велит ему высказаться, невзирая на последствия и полностью сознавая, что это может противоречить общественному мнению. Таким образом, я желаю сказать следующее: я – старый человек и многое повидал на своём веку. Мой долг заявить, что я – смертельный враг несправедливости. В отличие от некоторых, я не могу мириться с резнёй в Венгрии, с незаконным захватом Китая и коммунизацией Кубы. Я стар, меня называют консерватором, но мириться с этими вещами я не могу. И как бы меня кое-кто ни называл, я надеюсь, что не доживу до того дня, когда русская армия займёт город Вашингтон, округ Колумбия. Таким образом, я выступаю против этого человека, этого товарища Джонски, но не как сенатор, а скорее как тот, кто ребёнком резвился в холмистой местности к югу от Соур-Маунтин, кто ловил рыбу и охотился в глухих лесах, кто постепенно вырос и наконец постиг, что значит для него Америка, кто осознал, что соседи послали его в Конгресс для того, чтобы он представлял там их и их близких, и кто теперь считает своим долгом сделать настоящее заявление. Именно по этой и только по этой причине я обращаюсь к вам со словами из Библии: «Зло есть грех!» Некоторые умники среди нас, возможно, посмеются, но так уж оно есть, и я глубоко в это верую.

Члены Комиссии разразились бурными аплодисментами. Хотя они много раз слышали речь старого сенатора, она неизменно будила в них самые высокие и благородные чувства. Председатель Пелоп, сжав губы, повернулся к Джоэнису.

– Товарищ, – спросил он с лёгкой иронией, – являетесь ли вы в настоящее время членом коммунистической партии и имеете ли членский билет?

– Нет! – воскликнул Джоэнис.

– В таком случае назовите ваших сообщников в то время, когда вы являлись членом коммунистической партии.

– У меня не было никаких сообщников. Я имею в виду...

– Мы отлично понимаем, что вы имеете в виду, – перебил Пелоп. – Так как вы решили не называть своих сотоварищей-предателей, не признаётесь ли вы нам, где находилась ваша ячейка? Нет? Тогда скажите мне, товарищ Джонски, не говорит ли вам что-нибудь имя Рональд Блэк? Или, проще выражаясь, когда вы в последний раз встречались с Рональдом Блэком?

– Я никогда с ним не встречался, – ответил Джоэнис.

– Никогда? Это очень смелое заявление, господин Джоэнис. Вы пытаетесь заверить меня, что ни при каких обстоятельствах ни разу не встречались с Рональдом Блэком? Не сталкивались с ним самым невинным образом в толпе, не сидели в одном кинотеатре? Сомневаюсь, что кто-нибудь в Америке может вот так категорически утверждать, будто бы он никогда не встречался с Рональдом Блэком. Желаете ли вы, чтобы ваше заявление было занесено в протокол?

– Ну, знаете, возможно, я встречался с ним в толпе, то есть я хочу сказать, что я мог оказаться в одной толпе с ним; я не утверждаю наверняка...

– Однако вы допускаете такую возможность?

– Пожалуй, да...

– Прекрасно, – одобрил Пелоп. – Наконец-то мы добираемся до сути. Причём я прошу вас ответить, в какой именно толпе вы встречались с Блэком, что он вам сказал, что вы сказали ему, какие документы он вам передал и кому вы отдали эти документы...

– Я никогда не встречался с Арнольдом Блэком! – вскричал Джоэнис.

– Нам он был известен как Рональд Блэк, – сказал Пелоп. – Но мы, безусловно, заинтересованы в выяснении его псевдонимов. Заметьте, пожалуйста, что вы сами признали возможность связи с ним, а ввиду вашей установленной партийной деятельности эта возможность перерастает в вероятность столь значительную, что может рассматриваться как факт. Более того, вы сами выдали нам имя, под которым Рональд Блэк известен в партии, – имя, которого мы до сих пор не знали. Полагаю, этого достаточно.

– Послушайте, – взмолился Джоэнис. – Я не знаю ни этого Блэка, ни того, что он сделал.

– Рональд Блэк был обвинён в хищении чертежей новой малогабаритной двенадцатицилиндровой модели «Студебекера» повышенной комфортности и в продаже этих чертежей советскому агенту, – сухим голосом констатировал Пелоп. – После объективного суда, в соответствии с законом, приговор был приведён в исполнение. Позже был разоблачён, осуждён и казнён тридцать один его соучастник. Вы, товарищ Джонски, станете теперь тридцать вторым членом самой крупной шпионской организации из всех нами раскрытых.

Джоэнис попытался что-то сказать, но обнаружил, что трясётся от страха и не может выдать ни слова.

– Данная Комиссия, – подытожил Пелоп, – наделена особыми полномочиями, поскольку она устанавливает факты, а не карает. Как ни обидно, нам приходится следовать букве закона. Поэтому мы передаём секретного агента Джонски в ведомство Генерального прокурора, с тем чтобы он предстал перед справедливым судом и понёс наказание, которое соответствующие органы правительства сочтут нужным наложить на изменника, заслуживающего только смерти. Заседание объявляется закрытым.

Таким образом, Джоэниса быстро перевели в карательный орган правительства и передали в руки Генерального прокурора.

4. Как восторжествовала справедливость (Рассказано Пелуи с острова Пасхи)

Генеральный прокурор, к которому попал Джоэнис, был высоким человеком с орлиным носом, узкими глазками и бескровными губами. Вообще, его лицо казалось выкованным из чугуна. Сутулый и молчаливо презрительный, величественный в своей чёрной бархатной мантии с гофрированным воротничком, Генеральный прокурор являлся живым воплощением своего ужасного ведомства. Поскольку он был слугой карательного органа правительства, его долг заключался в том, чтобы никто из попавших к нему в руки не ушёл от возмездия, и Генеральный прокурор добивался этого всеми доступными средствами.

Резиденция Генерального прокурора находилась в Вашингтоне, но сам он происходил из города Афины, штат Нью-Йорк, и в годы молодости водил знакомство с Аристотелем и Алкивиадом, чьи произведения считаются высшим достижением американского гения.

Когда-то Афины были одним из городов Древней Эллады, откуда возникла американская цивилизация. Рядом с Афинами находилась Спарта – милитаристское государство, главенствующее над городами Лакедемона в северной части штата Нью-Йорк. Ионические Афины и дорическая Спарта вели между собой смертельную войну и утратили независимость, перейдя под власть Америки. Но они до сих пор сохранили большой вес в американской политике, особенно с тех пор, как Вашингтон стал средоточием Эллинского могущества.

Пока всё выглядело достаточно просто. У Джоэниса не было влиятельных друзей или политических соратников, и казалось, кара постигнет его без вреда для карающего. Соответственно, Генеральный прокурор организовал Джоэнису всяческую возможную юридическую помощь с тем, чтобы его дело слушалось в знаменитой Звёздной палате. Таким образом, буква закона будет выполнена наряду с приятной уверенностью в вердикте присяжных. Ибо педантичные судьи Звёздной палаты, бесконечно преданные идее искоренения зла в любом его проявлении, никогда за всю свою историю не выносили другого решения, кроме решения о виновности.

После оглашения приговора Генеральный прокурор намеревался принести Джоэниса в жертву на Электрическом Стуле в Дельфах, тем самым снижав благосклонность богов и людей.

Таков был его план. Однако в ходе расследования выяснилось, что отец Джоэниса был дорийцем из Механиксвилла, штат Нью-Йорк, да к тому же ещё был членом муниципального совета. А мать Джоэниса была ионийкой из Майами – афинской колонии в глубинах Территории Варваров. Поэтому определённые влиятельные эллины потребовали прощения оступившегося отпрыска уважаемых родителей во имя эллинского единства – немаловажной силы в американской политике.

Генеральный прокурор, сам уроженец Афин, счёл за лучшее удовлетворить эту просьбу. Поэтому он распустил Звёздную палату и послал Джоэниса к Великому Оракулу в Топсайдере, что встретило всеобщее одобрение, ибо Оракул Топсайдера, так же как Оракулы Дженмотора и Дженэлектрика, славился объективностью суждений о людях и их делах. Оракулы вообще так вершили правосудие, что заменили многие суды страны.

Джоэниса привезли в Топсайдер, и вскоре с дрожью в коленках он предстал перед Оракулом. Оракул был огромной вычислительной машиной весьма сложного устройства, с пультом управления, или алтарём, которому прислуживало множество жрецов. Все жрецы были кастрированы, дабы они не имели других помыслов, кроме заботы о машине. Верховный жрец был к тому же ещё и ослеплён, чтобы он мог видеть грешников лишь глазами Оракула.

Когда вошёл Верховный Жрец, Джоэнис пал перед ним на колени. Но жрец поднял его и сказал:

– Не страшись, сын мой. Смерть ожидает всех людей, и нескончаемые муки присущи их эфемерной жизни. Скажи мне, есть ли у тебя деньги?

– Восемь долларов и тридцать центов, – ответил Джоэнис. – Почему вы об этом спрашиваете, отец?

– Потому, – молвил жрец, – что среди просителей существует обычай добровольно жертвовать деньги Оракулу. Если у тебя нет денежных средств, равно принимаются недвижимость, облигации, акции, закладные и любые другие бумаги, которые считаются ценными в брэнном мире.

– У меня нет ничего подобного, – печально ответил Джоэнис.

– А разве у тебя нет земель в Полинезии? – спросил жрец.

– Нет, – сказал Джоэнис. – Мои родители получили землю от правительства, и к нему она должна вернуться. Не владею я и никаким другим имуществом, ибо этим вещам в Полинезии не придают значения.

– Значит, у тебя ничего нет? – разочарованно спросил жрец.

– Ничего, кроме восьми долларов и тридцати центов, – сказал Джоэнис, – да гитары, которая принадлежит вовсе не мне, а человеку по имени Лам из далёкой Калифорнии. Но, отец, неужели это действительно необходимо?

– Разумеется, нет. Однако и кибернетикам надо на что-то жить, и щедрый дар от просителя рассматривается как благое деяние, особенно когда приходит пора толковать слова Оракула. Некоторые также полагают, что бедный человек попросту мало трудился, раз не накопил денег для Оракула на случай судебного дня, и, следовательно, недостаточно благочестив. Впрочем, сейчас мы представим твоё дело и испросим решение.

Жрец взял заявление Генерального прокурора и защитную речь адвоката Джоэниса и перевёл их на тайный язык, каким Оракул общался с людьми. Вскоре пришёл ответ.

Вот суждение Оракула:

«ВОЗВЕДИТЕ ЭТО В ДЕСЯТУЮ СТЕПЕНЬ И ВЫЧТИТЕ КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ.

НЕ ЗАБУДЬТЕ КОСИНУС, ИБО ЛЮДЯМ ДОЛЖНО ВЕСЕЛИТЬСЯ.

ДОБАВЬТЕ «Х» КАК ПЕРЕМЕННУЮ, СВОБОДНО ВЗВЕШЕННУЮ, НЕВЛЮБЛЕННУЮ.

ВСЁ ПРИДЁТ К НУЛЮ, И Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН».

Получив это решение, жрецы собрались вместе на толкование слов Оракула. И вот что они сообщили:

ВОЗВЕСТИ – значит исправить зло.

ДЕСЯТАЯ СТЕПЕНЬ – есть условия содержания и срок, в течение которого проситель должен работать на каторге, чтобы исправить зло, а именно: десять лет.

КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ – будучи мнимым числом, представляет воображаемое состояние благоденствия; также обозначает возможность обогащения и прославления просителя. В связи с этим предыдущий приговор объявляется условным.

«Х» ПЕРЕМЕННАЯ – представляет воплощение земных фурий, среди которых будет обитать проситель и которые покажут ему невозможные ужасы.

КОСИНУС – знак самой богини, оберегающей просителя от некоторых ужасов, уготованных фуриями; он обещает ему определённые земные радости.

ВСЁ ПРИДЁТ К НУЛЮ – значит, что в данном случае соблюдается равенство между святым правосудием и человеческой нуждой.

Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН – означает, что в дальнейшем проситель не должен обращаться к этому или какому-либо другому Оракулу, поскольку решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Таким образом, Джоэниса приговорили к десяти годам условно. И Генеральный прокурор вынужден был исполнить решение Оракула и освободить Джоэниса.

Оказавшись на свободе, Джоэнис продолжил путешествие по земле Америки. Он торопливо покинул Топсайдер и добрался на поезде до великого города Нью-Йорка. О том, что делал он там и что с ним приключилось, пойдёт рассказ в следующей истории.

5. История Джоэниса, Вчёмда и полицейского (Рассказано Ма'аоа с Самоа)

Никогда не видел Джоэнис ничего подобного великому городу Нью-Йорку. Бесконечные толкотня и спешка такого множества людей были ему незнакомы, они поражали воображение. Лихорадочная жизнь города не утихла и с наступлением вечера. Джоэнис наблюдал за ньюйоркцами, спешащими в погоне за развлечениями в ночные клубы и варьете. Город не испытывал недостатка и в культуре, ибо огромное число людей отдавало своё время утраченному ныне искусству движущихся картинок.

К ночи суматоха стихла. Джоэнис увидел множество стариков и молодых людей, неподвижно сидящих на скамейках или стоящих у входа в метро. Их лица были ужасающе пусты, а когда Джоэнис обращался к ним, то не мог разобрать их вялых, невнятных ответов. Эти нетипичные ньюйоркцы вызывали у него беспокойство, и он был рад, когда наступило утро.

С первыми лучами солнца возобновилось бурление толпы. Люди толкали друг друга, в судорожной спешке стараясь куда-то попасть и что-то сделать. Джоэнис решил узнать причину всего этого. Он выбрал в толпе одного прохожего и остановил его.

– Сэр, – обратился к нему Джоэнис, – не могли бы вы уделить минуту вашего ценного времени и рассказать страннику о великой и целенаправленной деятельности, которую я наблюдаю вокруг?

– Вчёмдело? Ты что, псих? – буркнул прохожий и заторопился прочь.

Но следующий, кого остановил Джоэнис, тщательно обдумал свой ответ и произнёс:

– Вы называете это деятельностью?

– Так мне кажется, – ответил Джоэнис, глядя на бурлящую толпу. – Между прочим, меня зовут Джоэнис.

– А меня – Вчёмд, – сказал прохожий. – Это как «Вчёмдело?», только короче. В ответ на ваш вопрос я скажу вам: то, что вы видите, – не деятельность. Это паника.

– Чем же вызвана такая паника? – поинтересовался Джоэнис.

– В двух словах объяснить можно так, – сказал Вчёмд, – люди боятся, что если они прекратят суетиться, то кто-нибудь предположит, что они мертвы. Это очень скверно, если вас сочтут мёртвым, потому что тогда вас могут выкинуть с работы, закрыть ваш текущий счёт, повысить квартплату и отнести в могилу, как бы вы ни отбрыкивались.

Джоэнису ответ показался неправдоподобным, и он сказал:

– Господин Вчёмд, эти люди не похожи на мёртвых. Ведь на самом деле, без преувеличений, они не мертвы, правда?

– Я никогда не говорю без преувеличений, – сообщил ему Вчёмд. – Но так как вы приезжий, постараюсь объяснить проще. Начнём с того, что смерть есть понятие относительное. Некогда определение её было примитивным: ты мёртв, если не двигаешься в течение длительного времени. Современные учёные внимательно изучили это устаревшее понятие и добились больших успехов. Они обнаружили, что можно быть мёртвым во всех важных отношениях, но все же передвигаться и разговаривать.

– Что же это за «важные отношения»? – спросил Джоэнис.

– Во-первых, – сказал Вчёмд, – ходячие мертвецы характеризуются почти полным отсутствием чувств. Они могут испытывать лишь страх и злобу, хотя иногда симулируют другие эмоции, подобно тому как шимпанзе неумело притворяется читающим книгу. Далее. Во всех их действиях сквозит какая-то роботообразность, которая сопутствует прекращению высших мыслительных процессов. Часто наблюдается рефлексивная склонность к набожности, что напоминает спазматическое дёрганье цыплёнка, которому только что отрубили голову. Из-за

этого рефлекса многие ходячие мертвецы бродят вокруг церквей, а некоторые даже пытаются молиться. Других можно встретить на скамейках, в парках или возле выхода метро...

– А-а, – перебил Джоэнис, – гуляя вчера поздно вечером по городу, я видел таких людей.

– Совершенно верно, – подтвердил Вчёмд. – Это те, кто уже не притворяется живыми. Зато остальные копируют живых с умиленным старанием, в надежде остаться незамеченными. Но они частенько перебарщивают, и их легко определить либо по слишком оживлённому разговору, либо по чересчур громкому смеху.

– Понятия не имел, – признался Джоэнис.

– Это прискорбная проблема, – продолжал Вчёмд. – Хотя власти изо всех сил стремятся её решить, она чудовищно разрослась. Я хотел бы поведать вам и о других чертах ходячих мертвецов, а также о том, как они напоминают старых добрых неходячих мертвецов, ибо уверен, что это вам будет интересно. Впрочем, к нам приближается полицейский, и, стало быть, мне лучше откланяться.

С этими словами Вчёмд пустился бегом и исчез в толпе. Полицейский погнался было за ним, но вскоре бросил эту затею и вернулся к Джоэнису.

– Проклятье! – пожаловался он. – Опять я его упустил.

– Он преступник? – удивился Джоэнис.

– Самый ловкий вор в наших краях, специалист по краже драгоценностей, – сказал полицейский, вытирая пот с широкого красного лба. – Обожает притворяться битником.

– Со мной он разговаривал о ходячих мертвецах, – заметил Джоэнис.

– Он вечно что-нибудь выдумывает, – посетовал полицейский. – Патологический лжец, вот кто он такой; причём сумасшедший. И чрезвычайно опасный. Особенно опасный, потому что никогда не носит оружия. Я трижды чуть не поймал его. Приказываю ему остановиться именем закона, точно по инструкции, а когда он не повинуется, стреляю. Пока я убил восьмерых зевак. Если и дальше так будет продолжаться, сержанта мне не видать. Кроме того, за патроны заставляют платить из собственного кармана.

– Но если этот Вчёмд не вооружён... – начал Джоэнис и тут же осёкся. Лицо полицейского приобрело злое выражение, и рука его опустилась на рукоятку револьвера. – То есть я хотел бы узнать, – спохватился Джоэнис, – есть ли правда в том, что рассказывал мне Вчёмд о ходячих мертвецах?

– Нет, это всё его битниковская болтовня для одурачивания людей. Разве я не говорил, что он ворует драгоценности?

– Простите, забыл, – произнёс Джоэнис.

– Так не забывайте. Я самый обыкновенный человек, но такие, как Вчёмд, действуют мне на нервы. Я исполняю обязанности строго по инструкции, а по вечерам прихожу домой и смотрю телевизор, каждый вечер, кроме пятницы, когда я иду в боулинг. Ну что, похоже это на поведение робота?

– Разумеется, нет! – заверил Джоэнис.

– Этот парень, – продолжал полицейский, – твердит, что люди лишены чувств. Так я вам скажу: хоть я, может, и не психолог, но я точно знаю, что у меня чувства есть. Когда я сжимаю в руке револьвер, мне хорошо. Похоже, что у меня нет никаких чувств? Больше того, я вам ещё кое-что скажу: я вырос в неблагополучном районе и юнцом был в банде. Мы все имели самострелы и складные ножи и развлекались убийствами, грабежами и изнасилованиями. Разве похоже, что у нас не было чувств? Так бы я, наверное, и пошёл по дурной дорожке, не повстречайся мне тот священник. Он не хвалился, не задавался, он был словно один из нас, потому что знал, что только так его слова смогут достичь наших дикарских душ. Вместе с нами он совершал налёты, и я не раз видел, как он потрошит кого-то своим маленьким пружинным ножиком, с которым никогда не расставался. В общем, он был нормальным парнем, и мы при-

няли его в свою компанию. А ещё он был священником, и я, видя, что он свой в доску, позволял ему разговаривать со мной. Он-то мне и растолковал, что я впустую гроблю свою жизнь.

– Должно быть, воистину замечательный человек, – заметил Джоэнис.

– Он был святым, – задумчиво произнёс полицейский печальным голосом. – Он был настоящим святым, потому что делал всё наравне с нами, но внутри оставался очень хорошим человеком и всегда уговаривал нас сойти с преступного пути. – Полицейский посмотрел Джоэнису прямо в глаза и добавил: – Именно благодаря ему я и пошёл в полицию. Это я-то! Все думали, что я кончу на электрическом стуле. А у Вчёмда хватает наглости болтать о ходячих мертвецах! Я стал фараоном, я стал хорошим фараоном, а не каким-нибудь паршивым подонком, вроде Вчёмда. Выполняя свой долг, я убил восемь преступников и получил три почётных знака. А ещё я случайно убил двадцать семь ни в чём не повинных граждан, которые не успели убраться с дороги. Мне жаль этих людей, но главное для меня – работа. Я не могу позволить кому-то путаться под ногами, когда от меня уходит преступник. И что бы там ни плели газеты, я в жизни не брал взятку, даже за стоянку в неподобающем месте. – Рука полицейского судорожно сжала револьвер. – Я самого Иисуса Христа оштрафую, оставь он машину в неподобающем месте, и все святые не смогут меня подкупить. Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что вы самоотверженный человек, – осторожно ответил Джоэнис.

– И правильно. У меня красивая жена и трое чудесных детишек. Я обучил их стрелять из револьвера. Я для своей семьи ничего не пожалею. А Вчёмд воображает, будто он знает что-то о чувствах! Господи, эти сладкоречивые ублюдки так мне действуют на нервы, что я порой теряю голову. Хорошо ещё, что я набожный человек.

– Безусловно, хорошо, – согласился Джоэнис.

– Я до сих пор каждую неделю навещаю священника, который вытащил меня из банды. Он по-прежнему работает с подростками, такой он самоотверженный. Годы его не те, чтобы пользоваться ножом, поэтому теперь ему частенько приходится орудовать самострелом или велосипедной цепью. Этот человек сделал для законности больше, чем все городские центры по перевоспитанию. Порой и я помогаю ему. На двоих мы направили на путь истинный четырнадцать подростков, о которых вы бы сказали, что они безнадёжные преступники. Многие из них стали уважаемыми бизнесменами, а шестеро служат в полиции. Всякий раз, когда я вижу этого человека, я чувствую святость.

– По-моему, это чудесно, – заметил Джоэнис и начал потихоньку пятиться, потому что полицейский вытащил револьвер и начал им нервно поигрывать.

– Нет такого зла в нашей стране, которое нельзя было бы исправить доброй волей и прямыми действиями, – сказал полицейский, и подбородок его начал дёргаться. – В конечном счёте добро всегда торжествует и будет торжествовать, пока ему помогают добросердечные люди. В полицейской дубинке правопорядка больше, чем во всех заплесневелых кодексах, вместе взятых! Мы их ловим, а судьи их отпускают, как вам это нравится?! Хорошенькое дело, нечего сказать! Но мы, полицейские, привыкли к этому и считаем, что одна сломанная рука стоит года в каталажке, и поэтому часто сами вершим правосудие.

Сжимая одной рукой дубинку, а другой – револьвер и пристально глядя на Джоэниса, полицейский надвигался на него, излучая не-обузданное стремление насаждать закон и порядок. Джоэнис застыл на месте. Ему оставалось лишь надеяться, что полицейский не убьёт его и не переломает ему кости.

Назревал критический момент. В последнюю секунду Джоэниса спас какой-то разморённый жарой горожанин, который сошёл с тротуара до того, как загорелся зелёный сигнал светофора.

Полицейский резко повернулся, сделал два предупредительных выстрела и бросился к нарушителю. Джоэнис быстро зашагал в противоположном направлении и продолжал идти, пока не вышел за пределы города.

6. Джоэнис и три водителя грузовика *(Эта история и включённые в неё истории водителей грузовиков рассказаны Телеу с Хуахине)*

Джоэнис шагал вдоль шоссе на север, когда рядом с ним затормозил грузовик. В кабине сидели трое мужчин. Они сказали, что охотно его подбросят, насколько это будет им по пути.

Джоэнис с радостью забрался в машину, выразив водителям благодарность. Те заверили, что берут его с удовольствием, так как вести грузовик – одинокое занятие, даже если в кабине три человека, и им нравится беседовать с различными людьми и выслушивать их рассказы. Именно поэтому они попросили Джоэниса поведать им, что приключилось с того момента, как он уехал из дома.

Джоэнис рассказал этим людям, что, будучи родом с далёкого острова, он приплыл в город Сан-Франциско, где был арестован и допрошен Сенатской Комиссией. Затем он предстал перед судом Оракула, получил десять лет условно и отправился в Нью-Йорк, где его чуть не убил полицейский. С тех пор как он покинул остров, всё пошло кувырком, жаловался Джоэнис, и оборачивалось крайне неудачно. Таким образом, он считает себя глубоко несчастным человеком.

– Господин Джоэнис, – проникновенно сказал первый водитель грузовика, – на вашу долю, безусловно, выпало немало злоключений, но несчастнейший из людей – это я, так как я утратил нечто более ценное, чем золото, о чём скорблю каждый день своей жизни.

Джоэнис попросил этого человека поведать свою историю. И вот что рассказал ему первый водитель грузовика.

История учёного водителя грузовика

Моё имя – Адольфус Предполагус, по происхождению я швед. Сызмальства я обожал науку. Я любил науку не ради любви к ней, а потому, что я считал, что она – первейший слуга человечества, который освободит человечество от всех жестокостей прошлого и даст ему мир и счастье. Я видел немало злодеяний, свершаемых людьми, но, вопреки этому и несмотря на то, что моя собственная страна обогатилась, снабжая оружием воюющие нации, я всё равно верил в великодушные и превосходные качества человечества, верил, что оно освободится от зла посредством науки.

Из-за своего врождённого гуманизма и склонности к наукам я стал врачом и обратился в Комиссию по Здравоохранению при ООН, добиваясь назначения в самое глухое и запущенное место. Тихая практика в сонном шведском городке была не для меня: я жаждал сражаться с болезнями во имя человечества.

Меня послали на побережье Западной Африки, единственным врачом на территорию, превосходящую по площади Европу. Я замещал швейцарца по фамилии Дурр, умершего от укуса рогатой гадюки.

Со всей очевидностью той местности нужен был хороший доктор, потому что там свирепствовало неисчислимое множество разнообразных заболеваний. Одни были мне известны, так как я изучал их по книгам, другие же явились для меня откровением. Эти последние, как я узнал, распространялись искусственно, в целях нейтрализации Африки. Мне неизвестно, кто принял такое решение, но кое-кому на Западе позарез нужна была именно такая, совершенно нейтральная Африка, неспособная встать на сторону ни Запада, ни Востока. С этой целью и распространялись бактерии, а также некоторые выведенные в лабораторных условиях растения, которые должны были сделать и без того густые джунгли совершенно непроходимыми.

Таким образом африканцев можно было отвлечь от политики, так как все их время уходило на борьбу за выживание.

Эти болезни стёрли с лица земли несколько сот миллионов западных солдат, которые сражались там с партизанами, направляемыми Востоком. Партизаны тоже были стёрты с лица земли. Также погибли многие виды животных, зато некоторые процветали. Крысы, например, и змеи невероятно размножились. Резко возросла численность насекомых, в частности мух и комаров, а из птиц несметно размножились стервятники.

Я никогда не догадывался о таком положении дел, поскольку в условиях демократии на подобные сообщения никто не обращает внимания, а диктатура их попросту запрещает. Тем не менее мне лично пришлось увидеть все эти ужасы в Африке. Кроме того, я узнал, что то же самое творится в тропических районах Азии, Центральной Америки и Индии. Случайно или же по чьему-то умыслу все эти области были полностью нейтрализованы, потому что последние силы их жителей уходили на борьбу за существование.

Как врач, я был опечален разгулом заболеваний, известных и неизвестных. Они вышли из джунглей с помощью и при поддержке человека. Темпы роста всего живого в джунглях были фантастическими, такой же фантастической была и скорость разложения всего отмершего. В этих благоприятных условиях множились и развивались болезнетворные вирусы и бактерии.

Как человека, меня доводило до бешенства такое извращённое применение науки. И все же я в неё верил. Я твердил себе, что дурные и ограниченные люди во все века творили в мире зло, но гуманисты, рука об руку с наукой, исправят содеянное.

Я принялся за работу с большим рвением, и мне помогали добрые люди всего мира. Я побывал у всех племён своего района и обрушился на заболевания всеми имеющимися у меня лекарствами. Успех был потрясающим.

Однако вскоре возбудители болезней стали невосприимчивы к моим средствам, и началась новая эпидемия. Местное население, хотя и сопротивлялось напасти изо всех сил, страдало ужасно.

Я срочно заказал новые лекарства, получил их и остановил эпидемию. Но некоторые бактерии и вирусы всё-таки сохранились, и зараза вновь начала распространяться.

Я выписал только что открытые препараты, и мне их прислали. Опять мы сошлись в смертельной схватке, из которой я вышел победителем. И снова часть микроорганизмов выжила, и появились мутации. Я обнаружил, что в соответствующих условиях болезни могут принимать новые, ещё более опасные формы куда быстрее, чем человек способен создавать новые лекарства.

И вообще я заметил, что микробы ведут себя точно так же, как люди в критическом положении. Они проявляли поразительную волю к победе. Чем более губительное воздействие на них оказывали, тем быстрее и неистовее они множились, сопротивлялись, изменялись и в конце концов наносили ответный удар. Сходство, по моему мнению, жуткое и противоестественное.

Я чудовищно много работал в то время, по двенадцать, по восемнадцать часов в сутки, пытаясь спасти несчастное, терпеливое, страдающее население. Но зараза преодолела самые последние достижения медицины и свирепствовала с небывалой силой. Я был в отчаянии, ибо оказался беспомощным перед новыми болезнями.

И тут я обнаружил, что микроорганизмы, приспособившиеся к новым лекарствам, потеряли иммунитет к старым. Так, охваченный научной лихорадкой, я вновь стал применять старые средства.

Со времени моего приезда в Африку я справился по меньшей мере с десятью крупными эпидемиями и начал схватку с одиннадцатой. Я уже знал, что бактерии и вирусы отступят перед моей атакой, изменятся, размножатся и вновь нанесут удар, поставив меня перед необ-

ходимостью с теми же результатами бороться с двенадцатой эпидемией, потом с тринадцатой, четырнадцатой и так далее.

Такова была ситуация, в которую меня привело моё научное и гуманистическое рвение. Но я смертельно устал и буквально валился с ног. У меня не было времени думать ни о чём, кроме сиюминутных проблем.

Однако вскоре жители моего района взяли решение проблемы в свои руки. Люди тёмные и малообразованные, они видели лишь, что с тех пор, как появился я, эпидемии бушуют с особой яростью. Они стали считать меня каким-то чрезвычайно злым колдуном, в склянках которого вместо целебных средств заключена квинтэссенция смерти. Эти люди отвернулись от меня и пошли к своим шаманам, которые лечат больных пластырями из глины и талисманами из кости и сваливают каждую смерть на кого-нибудь из невинных соплеменников.

Даже матери спасённых мною детей выступали против меня. Они винули меня в том, что дети всё равно умирают, если не от болезни, то от голода.

Наконец жители деревень собрались меня убить. И непременно бы это сделали, если бы меня не спасли шаманы. Ирония судьбы – ведь я полагал их своими ярыми противниками.

Они объяснили своим соплеменникам, что на моё место придёт ещё более злой колдун. Люди испугались и не причинили мне вреда; а шаманы добродушно скалились при встрече со мной, потому что считали меня своим коллегой.

И всё же я не отчаялся и не бросил работу с этими племенами; и тогда племена бросили меня. Они перекочевали в глубь материка, в район губительных болот, где почти не было пищи, зато свирепствовали болезни.

Я не мог последовать за ними, потому что болота относились к другому участку, где был свой доктор, тоже швед, который не делал никаких уколов, не давал ни таблеток, ни пилюль, вообще ничего. Вместо этого он каждый день напивался, истребляя собственные запасы спирта. Он прожил в джунглях двадцать лет и утверждал, что поступает наилучшим образом.

Оставшись в одиночестве на своём участке, я пережил нервное потрясение. Меня отозвали в Швецию, и там я стал размышлять о происшедшем.

Мне пришло в голову, что деревенские жители и колдуны, которых я считал неразумными дикарями, вели себя как здравомыслящие люди. Они бежали от моей науки и моего гуманизма, которые ни на йоту не улучшили их положения. Напротив, моя наука доставила им ещё большие страдания и боль, а мой гуманизм безрассудно пытался уничтожить ради них другие создания и тем самым нарушал равновесие сил на земле.

Осознав всё это, я покинул свою страну, покинул Европу и прибыл сюда. Теперь я вожу грузовик. И когда кто-нибудь обращается ко мне с восторженными речами о науке, гуманизме и чудесах исцеления, этот человек кажется мне сумасшедшим.

Вот так я потерял веру в науку, в то, что было для меня дороже золота и что я буду оплакивать до конца своих дней.

В конце этой истории второй водитель грузовика сказал:

– Никто не станет отрицать, что на вашу долю выпало немало злоключений, Джоэнис, но пережитое вами не идёт ни в какое сравнение с рассказом моего друга. А невзгоды моего друга никак не сравнятся с моими. Ведь я – самый несчастный среди людей. Я утратил нечто более ценное, чем золото, и более дорогое, чем наука, что буду оплакивать до конца жизни.

Джоэнис обратился к нему с просьбой поведать свою историю. И вот что рассказал второй водитель грузовика.

История честного водителя грузовика

Моё имя – Рамон Дельгадо, а родился я в Мексике. Больше всего я гордился своей честностью. Я был честен, потому что этого требовали законы страны, написанные лучшими из

людей. Они вывели их из общепринятых принципов справедливости и укрепили наказаниями, дабы повиновались все, а не только готовые к соблюдению законов добровольно.

Это казалось мне правильным, ибо я любил справедливость и верил в неё, а стало быть, и в законы, выведенные из понятия справедливости, и в наказания, насаждающие законность. Я не только считал, что представления о справедливости и исполнении законов правильны, я также считал, что они необходимы. Ибо только так можно обрести свободу от тирании и чувство собственного достоинства.

Многие годы я трудился в своей деревне, копил деньги и вёл честную и правильную жизнь. Однажды мне предложили работу в столице. Я был счастлив, ибо давно мечтал увидеть великий город, откуда исходила справедливость в моей стране.

Я потратил все сбережения на покупку старенького автомобиля и поехал в столицу. Я поставил машину перед магазином моего работодателя на платной стоянке со счётчиком и зашёл внутрь, чтобы разменять деньги и бросить песо в счётчик. А когда вышел, меня арестовали.

Я предстал перед судьёй, который обвинил меня в незаконной парковке, мелком воровстве, бродяжничестве, сопротивлении аресту и создании общественных беспорядков.

Судья посчитал меня виновным во всех этих вещах: в незаконной парковке – потому что я не опустил монету в счётчик; в мелком воровстве – потому что я взял песо из кассы моего работодателя; в бродяжничестве – потому что при мне не было ничего, кроме одного песо; в сопротивлении аресту – потому что я поспорил с полицейским; и в создании общественных беспорядков – потому что я плакал, когда меня вели в тюрьму.

Строго говоря, всё это было правдой, и я не посчитал несправедливым, когда меня осудили. В сущности, я даже восхищался рвением судьи на службе закону.

Также я не выразил ни малейшего недовольства, когда меня приговорили к десяти годам заключения. Это казалось жестоким, но я-то знал, что закон может быть соблюден лишь посредством применения сурового и бескомпромиссного наказания.

Меня направили в федеральную Каторжную Тюрьму Морелос. Я понимал, что мне пойдёт на пользу знакомство с местом, где осуществляется наказание, и усвоение горьких плодов бесчестного поведения.

Прибыв в Каторжную Тюрьму, я обратил внимание на множество людей, прячущихся рядом в лесу. Я не придавал этому особого значения, потому что привратник как раз читал мои бумаги. Он изучил их с большим вниманием, а затем открыл ворота.

К величайшему моему изумлению, как только ворота открылись, эта толпа ринулась вперёд и силой проложила себе дорогу в тюрьму. Откуда-то появилось множество охранников, которые попытались оттеснить их. Но, прежде чем привратник сумел закрыть ворота, некоторым удалось проскочить внутрь.

– Разве возможно, – спросил я его, – чтобы эти люди специально хотели попасть в тюрьму?

– Именно так, – ответил привратник.

– Я всегда полагал, что тюрьмы скорее служат цели удержания людей внутри, нежели чем предохранения от попадания снаружи, – заметил я.

– Да, так было, – сказал часовой. – Но в наши дни, когда в стране такое количество иностранцев и такой голод, люди рвутся в тюрьму хотя бы из-за трехразового питания. Ворвавшись в тюрьму, они становятся преступниками, и мы вынуждены оставлять их там.

– Возмутительно! – воскликнул я. – Но при чём тут вообще иностранцы?

– С них всё и началось, – объяснил привратник. – В их странах царит голод, а они знают, что у нас в Мексике – лучшие тюрьмы в мире. И вот они специально приезжают, чтобы вломиться в наши тюрьмы, особенно если они не могут вломиться в тюрьму в своей стране. Но,

на мой взгляд, иностранцы ничуть не хуже и не лучше наших собственных граждан, которые делают то же самое.

– В таком случае, – удивился я, – как может правительство соблюдать закон?

– Лишь скрывая истинное положение вещей, – сказал привратник. – Когда-нибудь мы научимся строить такие тюрьмы, которые смогут кого надо содержать внутри, а кого надо оставлять снаружи. До тех пор необходимо хранить всё в тайне. Тогда большая часть населения будет верить, что наказания следует бояться.

Затем охранник провёл меня внутрь Каторжной Тюрьмы, в помещение Комиссии по условно-досрочному освобождению. Находившийся там человек спросил, нравится ли мне тюремная жизнь. Я ответил, что пока не могу сказать определённо.

– Что ж, – промолвил тот человек, – ваше поведение за всё время пребывания здесь было воистину примерным. Наша цель – перевоспитание, а не месть. Как бы вы отнеслись к немедленному условно-досрочному освобождению?

Я боялся ответить невпопад, поэтому сказал, что не знаю.

– Не торопитесь, подумайте, – посоветовал он, – и приходите сюда, как только захотите выйти на свободу.

После этого я направился в свою камеру. Там сидели два мексиканца и три иностранца. Двое иностранцев были французами, а один – американец. Американец спросил, согласился ли я на условно-досрочное освобождение, и я ответил, что пока ещё нет.

– Чертовски умно для новичка! – одобрил американец по имени Отис. – Некоторые из только что осуждённых ничего не понимают. Они соглашаются – и бац! – попадают за ворота и могут заглядывать сюда только через щёлочку в заборе.

– А это плохо?

– Очень плохо! – воскликнул Отис. – Если тебя освободили, обратно в тюрьму уже не попасть. Что бы ты ни делал, судья попросту расценивает это как нарушение правил условно-досрочного освобождения и предупреждает, чтобы ты так больше не поступал. Скорее всего, ты больше ничего не сделаешь, потому что полицейские уже переломали тебе руки.

– Отис прав, – заметил один из французов. – Согласиться на условно-досрочное освобождение – крайне опасно. Я – живое тому свидетельство. Моё имя Эдмон Дантес. Много лет назад меня направили в это заведение, а потом предложили условно-досрочное. Будучи зелёным юнцом, я согласился. Но затем там – Снаружи – я понял, что все мои друзья остались в тюрьме и там же собранные мною книги и пластинки. По юношеской опрометчивости я оставил там также свою возлюбленную, заключённую под номером 43422231. Слишком поздно я осознал, что в тюрьме заключается вся моя жизнь, теперь я навсегда лишён тепла и надёжности этих гранитных стен.

– Что же вы сделали?

– Я наивно полагал, что преступление принесёт мне заслуженное вознаграждение, – печально улыбнувшись, произнёс Дантес. – Ну и убил человека. Однако судья просто-напросто продлил срок моего условно-досрочного освобождения, а полиция сломала мне все пальцы на правой руке. Именно тогда, когда моя рука заживала, я и преисполнился решимости вернуться назад.

– Должно быть, это оказалось очень трудно, – вставил я.

Дантес кивнул.

– Потребовалось огромное терпение, ибо я потратил двадцать лет жизни, чтобы попасть сюда.

Остальные заключённые промолчали, а старый Дантес продолжил:

– В те дни тюрьмы охранялись куда строже, и такой прорыв через ворота, как вы видели сегодня, никогда бы не удался. Поэтому я в одиночку прорыл подземный ход. Трижды я выходил на сплошной гранит и был вынужден начинать всё сначала. Один раз я почти уже проник

во внутренний дворик, когда меня засекала охрана. Они сделали подкоп и оттеснили меня назад. Как-то я попытался спуститься в тюрьму на парашюте, но внезапный порыв ветра отнёс меня в сторону. С тех пор самолётам запретили пролетать над тюрьмами. Таким образом, я вызвал даже некоторые тюремные реформы.

– Как же вы всё-таки попали внутрь? – спросил я.

Старик печально усмехнулся.

– После многих лет бесплодных усилий мне в голову пришла идея. Даже не верилось, что такой простой план может привести к успеху там, где не помогли изобретательность и безрассудная храбрость. И всё же я попытался.

Я вернулся в тюрьму под видом следователя по особым делам. Сперва охрана не хотела меня впускать. Но я сказал, что правительство рассматривает возможность введения поправки, согласно которой охране даруются равные права с заключёнными. Меня пропустили, и тогда я открыл своё инкогнито. Они вынуждены были позволить мне остаться. Потом ко мне пришёл какой-то человек и записал мою историю. Надеюсь, что он записал её правильно.

С тех пор, разумеется, ввели строгие меры, делающие повторение моего плана невозможным. И всё же я глубоко убеждён, что отважные люди всегда преодолевают препятствия, которые воздвигает общество на пути к достижению их цели. Если человек достаточно упорен, он преуспеет в том, чтобы попасть в тюрьму.

Когда старый Дантес закончил рассказ, наступило молчание. Наконец я спросил:

– А возлюбленная ваша была ещё там, когда вы вернулись?

Старик отвернулся, и по его щеке скатилась слеза.

– Заключённая под номером 43422231 умерла от цирроза печени за три года до того. Отныне я провожу всё время в молитвах и размышлениях.

Трагическая история о смелости, настойчивости и обречённой любви произвела на нас мрачное впечатление. Молча мы отправились на вечерний приём пищи и потом ещё долгие часы пребывали в подавленном настроении.

Я много размышлял об этом странном деле, о людях, мечтающих жить в тюрьме, и от неотвязных мыслей у меня раскалывалась голова. И чем больше я думал об этом, тем становился растеряней. Поэтому я очень робко поинтересовался у своих товарищей по камере: разве не манит их свобода, разве не томятся они тоской по городам и улицам, по цветущим лугам и лесам?

– Свобода? – переспросил Отис. – Ты говоришь об иллюзии свободы, а это разные вещи. В городах, о которых ты ведёшь речь, – только ужас, опасности и страх. Кругом тупики, и за каждым углом поджидает смерть.

– А упомянутые вами цветущие поля и леса ещё хуже, – заметил второй француз. – Моё имя Руссо. В молодости я написал несколько глупых книг, совершенно оторванных от реального опыта, где превозносил природу и рассказывал о человеке, который должен занимать в ней законное место. Потом, в зрелом возрасте, я тайно покинул страну и совершил путешествие в ту самую природу, о которой так уверенно распространялся. Тогда-то я понял, как она ужасна и до какой степени ненавидит человека. Я обнаружил, что цветущие луга крайне неудобны для ходьбы и ходить по ним вреднее, чем по самому плохому асфальту. Я увидел, что посева человека – это жалкие изгои растительного мира, лишённые силы и существующие лишь благодаря людям, которые борются с сорняками и вредителями. Попав в лес, я убедился, что деревья признают только себе подобных; всё живое бежало от меня. Я узнал, что, как бы ни радовали глаз прекрасные голубые озёра, они всегда окружены колючками и топью. А когда вы наконец добираетесь до них, то обнаруживаете, что вода коричневая от грязи.

Дожди и засуха, жара и холод – всё это природа. И она же заботливо устраивает так, что от дождей гниёт пища человека, от жары сохнет тело человека, а от стужи мёрзнут его конечности.

Причём это только самые мягкие проявления природы, их никак нельзя сравнить с гневом моря, с холодным безразличием гор, с предательством трясины, с безжалостностью пустынь и ужасом джунглей. И я заметил, что в своей злобе природа покрыла большую часть земли морями, болотами, пустынями, горами и джунглями.

Нет нужды говорить о землетрясениях, торнадо, приливных волнах и всех тех бедствиях, в которых природа с полной силой проявляет своё ожесточение.

Единственное спасение человечества от кошмаров – в городе, где мощь природы отчасти ограничена. И, естественно, самый далёкий от природы тип поселения – это тюрьма. К такому выводу привели меня многие годы исследований. Вот почему я отрёкся от слов, сказанных в юности, и веду здесь счастливую жизнь, не видя ничего зелёного.

И Руссо, отвернувшись, погрузился в созерцание стальной стены.

– Видишь, Дельгадо, – сказал Отис, – единственная настоящая свобода – здесь, в тюрьме.

Этого я принять не мог и указал на то, что мы находимся взаперти, а это противоречит понятию свободы.

– Но мы все взаперти на этой земле, – возразил мне старый Дантес. – Кто-то на большем пространстве, кто-то на меньшем. И все навеки взаперти внутри себя.

Отис пожурил меня за неблагодарность.

– Ты же слышал, что говорили охранники. Если бы о нашей счастливой судьбе узнали по всей стране, сюда ринулись бы сломя голову все остальные. Надо радоваться, что мы находимся здесь и что об этом чудесном местечке известно лишь избранным.

– Увы, сейчас ситуация меняется, – заметил заключённый-мексиканец. – Несмотря на то что правительство скрывает истину и представляет тюремное заключение как нечто такое, чего следует страшиться и избегать, люди потихоньку начинают узнавать правду.

– Это ставит правительство в затруднительное положение, – вставил другой мексиканец. – До сих пор тюрьмам никакой замены не нашли, хотя некоторое время собирались карать любое преступление смертной казнью. От этой идеи отказались, потому что сие пагубно отразилось бы на военном и промышленном потенциале государства. И поэтому до сих пор приходится посылать людей в тюрьму – в то единственное место, куда они и хотят попасть!

Все заключённые тут засмеялись, потому что, будучи преступниками, обожали парадоксы правосудия. А это казалось мне величайшим извращением – совершить преступление против общественного блага и получить в результате счастливое и обеспеченное существование.

Я чувствовал себя словно во сне, словно во власти ужасного кошмара, ведь мне нечего было возразить этим людям. Наконец в отчаянии я воскликнул:

– Возможно, вы свободны и живёте в наилучшем уголке земли, но у вас нет женщин!

Заключённые нервно захихикали, как будто я затронул щекотливую тему, а Отис спокойно сказал:

– Твои слова верны, у нас нет женщин. Однако это совершенно несущественно.

– Несущественно? – поразился я.

– Абсолютно, – подтвердил Отис. – Может быть, некоторые и ощущают поначалу определённое неудобство, но люди всегда приспособляются к окружающей обстановке. В конце концов, одни только женщины считают, что без них нельзя обойтись. Мы, мужчины, знаем, что это не так.

Все находящиеся в камере дружно и горячо выразили своё согласие.

– Настоящие мужчины, – продолжал Отис, – нуждаются лишь в обществе таких же мужчин. Если бы здесь был Буч, он объяснил бы это гораздо лучше; к великому сожалению его многочисленных друзей и поклонников, Буч лежит в лазарете с двойной грыжей. Он, безусловно, растолковал бы тебе, что жизнь в обществе невозможна без компромиссов. Когда компромиссы чересчур велики, мы называем это тиранией. Когда они незначительны и не требуют

от нас особых усилий, как вот этот малосущественный вопрос о женщинах, мы называем это свободой. Помни, Дельгадо, совершенства нет ни в чём.

Больше я спорить не стал, но выразил желание покинуть тюрьму как можно скорее.

– Я устрою тебе побег сегодня вечером, – сказал Отис. – Пожалуй, это хорошо, что ты уходишь. Тюремная жизнь не для того, кто её не ценит.

Вечером, когда притушили свет, Лифт поднял одну из гранитных плит на полу камеры. Под ней был туннель. Поражённый, сбитый с толку, я оказался на улице города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.